

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.3)“18/19”_(093.3)+37.014.521:271.229”духовенство”

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ РОССИИ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

А. Д. Попова

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, кафедра философии, г. Рязань, Россия

Статья посвящена малоизученной проблеме эволюции общественного мнения по вопросам воспитания подрастающего поколения и формирования личности в контексте модернизации XIX в. На основе архивных материалов и мемуаров выпускников духовных учебных заведений показано, что модернизация и развитие капиталистических отношений повлияли на воспитательный процесс в закрытых учебных заведениях. На примере работы духовных училищ и духовных семинарий исследуется процесс трансформации различных аспектов жизни закрытых учебных заведений: бытовых условий, питания, методов воспитания. Автор приходит к выводу, что изменение общественного мнения по вопросам воспитания и формирования личности происходило медленно и не соответствовало запросам времени.

Ключевые слова: модернизация, духовные учебные заведения, воспитание, общественное мнение.

Концепт модернизации давно вошел в историческую науку как инструмент понимания и объяснения развития общественных систем в Новое и Новейшее время. Понятие «модернизация» трактуется исследователями по-разному, однако многие авторы понимают под этим многоплановое преобразование общества, направленное на формирование буржуазного общества в условиях складывания капитализма: ослабление власти государства, расширение механизма самоуправления и самоорганизации, появление представлений о правах и свободах людей, повышение возможности социальной мобильности. В той или иной степени всё это было необходимо для расширения капиталистического производства, которому требуется правовое поле и новое общественное сознание, признающие и поощряющие индивидуальность, личную инициативу и самостоятельность.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX–XX веков», проект номер 16-01-00468/16.

Не случайно общественная мысль ещё в XVIII в. стала предлагать кардинально пересмотреть принципы и приемы воспитания подрастающего поколения. В произведениях Дж. Локка «О воспитании» и Ж.-Ж. Руссо «Эмиль или О воспитании» обсуждается проблема воспитания именно творческой и ответственной личности, разносторонне развитой и обладающей широким кругом знаний и умений, вплоть до владения ремеслом.

Философы уделили много внимания и физическому воспитанию, а также санитарно-гигиеническим условиям, в которых должен расти ребенок. С одной стороны, физическое воспитание должно способствовать формированию волевых качеств, а с другой – укреплять здоровье, что необходимо для активной деятельности в условиях капиталистического общества. По мнению мыслителей, принципиально должны были трансформироваться и приемы воспитания, наказание должно замениться убеждением и увещанием, отношение к ребёнку должно стать уважительным, учитывающим индивидуальные особенности и интересы ребёнка. Воспитывать необходимо не послушного раба, а ответственного и всесторонне образованного человека, который способен самостоятельно строить и свою жизнь, и своё дело – торговое или промышленное.

Процесс буржуазной модернизации в России начался позже, чем в других государствах, так называемых странах первого эшелона капитализма – Великобритании, США, Франции. Традиционно российскую буржуазную модернизацию связывают с Эпохой Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. Реформы и в самом деле кардинально преобразили общество. Было отменено крепостное право, созданы всеобщее самоуправление, сословные и всеобщие суды, введена всеобщая воинская повинность. В той или иной степени все реформы способствовали слиянию сословий и повышению уровня законности, укрепляли представления о правах и свободах личности, расширяли возможности для самоуправления и самоорганизации.

Данные процессы не могли не затронуть и систему образования. Развитие капитализма требовало элементарного увеличения числа образованных людей, способных проявлять инициативу и действовать самостоятельно. Поэтому составляющими Эпохи Великих реформ и стали мероприятия, затрагивавшие деятельность образовательных учреждений. Земская реформа 1864 г. создала возможность открывать земские школы, реформа телесных наказаний 1863 г. изгнала розги из классов, введение всеобщей воинской повинности в 1871 г. сформировало стимул для юношей приобщиться к образованию.

Однако насколько успешно и интенсивно менялся образ системы образования и представления российского общества о воспитании и образовании в контексте модернизационных процессов? Проследить этот процесс можно на примере трансформации духовной школы, т. е. духовных училищ и духовных семинарий. Выбор именно духовных учебных заведений обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это были достаточно массовые учебные заведения. Духовное училище было в каждом уезде, духовная семинария – в каждой епархии. Во-вторых, это были учебные заведения,

где учащиеся не только учились, но и жили, т. е. подразумевался полный всесторонний процесс обучения и воспитания. Спецификой духовно-учебных заведений являлось и то, что они предназначались для духовного сословия, принадлежность к которому передавалось по наследству. Таким образом, жизненная стезя мальчика, рождённого в семье священника была определена заранее – духовное училище, затем духовная семинария. Специфика духовного сословия состояла в том, что его составляли далеко небогатые люди. Социальный статус принадлежащего к духовенству также был особым – с одной стороны, он пользовалось рядом привилегий, а с другой – материальное положение целиком и полностью зависело от уровня доходов прихожан. Поэтому и учебные заведения для детей духовенства были массовыми и ориентированными не на высокий социальный статус.

Источниковой базой исследования стали мемуары самих учеников училищ и семинарий, а также материалы Учебного комитета Священного синода. Следует отметить, что мемуары семинаристов активно публиковались в начале XX в., и большой интерес представляет не только содержательная сторона текста, но и оценка авторов своего семинарского прошлого. В частности, в рамках данного исследования именно отношение авторов к некоторым аспектам своего бытия позволяет проследить, насколько изменилось ментальное восприятие духовенством процесса воспитания личности.

Образ дореформенной духовной семинарии ярко представлен в знаменитых «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского, написанных в 1863 г. Здесь сосредоточено всё негативное, что может быть в принципе высказано об учебном заведении: антисанитария в бытовых условиях, грубое и даже жестокое обращение с учениками, полное нежелание видеть в них личность и стремиться развивать творческие способности. Сопоставляя эти очерки с другими источниками, например, записками Е. Н. Водовозовой или литературными зарисовками М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина», можно заметить, что печальное положение бурсы не было результатом какого-то особого пренебрежения к проблемам именно сыновей духовенства. Отношение к семинаристам прямо отражало достаточно специфическое отношение к детям и детству вообще. Как пишет Е. Н. Водовозова, к детям даже дворянского сословия было такое же жестокое отношение, как к крепостным². Им выделялись самые плохие спальни, воспитание поручалось обычно гувернерам, которые не были особо отягощены педагогическими знаниями и способностями, поэтому колотушки, окрики, розги неизбежно были спутниками детства. В мемуарах А. А. Пеликана также нарисована мрачная картина: «Домашняя жизнь, даже там, где она протекала относительно мирно, была тяжела и неприглядна... Дети это чувствовали едва ли не сильнее взрослых... На детях вымещали злобу и срывали досаду родители, старшие братья и сестры, товарищи, воспитатели...»³.

² Водовозова Е. Н. На заре жизни. М., 1964. Т. 1. С. 126.

Vodovozova E. N., *Na zare zhizni*, М., 1964, Т. 1, S. 126.

³ Пеликан А. А. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 141.

Pelikan A. A., *Vo vtoroy polovine XIX veka*, Golos minuvshego, 1914, № 2, S. 141.

Даже в привилегированных учебных заведениях жилось не сладко. Воспитанницам элитного Смольного женского института не хватало не только хлеба или тепла в спальнях, но и элементарного душевного тепла и заботы.

Анализ источников показывает, что ветер перемен эпохи Великих реформ не мог не затронуть «детский» вопрос, в том числе и духовную школу. Однако процесс трансформации шел гораздо медленнее, чем в других областях. В частности, это относится, казалось бы, к одному из самых элементарных вопросов – санитарно-гигиеническим условиям. В настоящее время очевидно, что первое требование, которое будет выдвигаться к детскому учреждению, это соответствующие санитарно-гигиенические условия: температура и влажность воздуха в классах, спальнях, игровых комнатах, условия приготовления пищи, состояние туалетов. Пореформенная Россия ещё была далека от этих представлений.

Для мемуаров, отражающих жизнь семинарий 40–70-х годов XIX в., сцены повседневной жизни семинаристов – весьма распространённый сюжет. При этом надо отметить, что авторы порой не скупятся на подробности описания своего пребывания в семинарии. Очень яркие зарисовки на эту тему можно найти у Ю. А. Галабутского – автора «Воспоминаний о духовной школе 70-х годов». Из текста видно, что автор в 1873 г. поступил в Одесское духовное училище, в 1877 г. – в семинарию. Думается, что даже авторы педагогических произведений эпохи Просвещения были бы шокированы описанием условий, в которых жили мальчики в духовном училище: «Всё здание имело вид унылый, казарменный и в высшей степени неопрятный. Стены были как-то измызганы и украшены чернильными и всякими другими пятнами; стёкла во многих окнах были выбиты и по месяцу не вставлялись; в углу двора помещались отхожие места и помойные ямы, откуда, как водится, распространялось зловоние. Везде, во всём здании, воздух был спертый, затхлый, вонючий. Неприятно глядели и классы. Зимой в них, от плохой топки и выбитых стекол было так холодно, что было трудно высидеть...»⁴. Ещё более впечатляющие заметки о спальнях: «Бельё на постелях переменялось очень редко, а в матрацах водились всякие насекомые. Особенно много было вшей, которые свободно разгуливали и по головам, и по платью учеников. Бурсаки притерпелись к насекомым, как неизбежным спутникам своим, и не обращали на них внимания»⁵.

Самое интересное, что руководство предпочитало не замечать такого положения дел. В 1873 г., когда автор поступил в училище, в Херсонской епархии была проведена ревизия духовных учебных заведений, в том числе и Одесского училища. Ревизор чудным образом не заметил разбитых окон и грязных постелей, не учуял душного воздуха. «Классные комнаты для настоящего количества учеников довольно просторные, за исключением первого класса, в котором было очень жарко от тесноты. Прочие помеще-

⁴ Галабутский Ю. Г. Воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев, 1902. С. 2. Galabutskiy Yu. G., *Vospominaniy o dukhovnoy shkole 70-kh godov*, Kiev, 1902, S. 2.

⁵ Там же. С. 3.

Ibid, S. 3

ния, как спальни, столовая, удобны.... Спальные принадлежности как то тюфяки, подушки, одеяла, простыни удовлетворительны, железные кровати даже роскошные» было написано в отчёте⁶.

Разнится также и оценка питания в училище. Автор мемуаров жалуется, что кормили плохо, настолько плохо, что не просто доходило до воровства продуктов, а сформировалось весьма снисходительное отношение к этому проступку. Ревизор же отметил, что питание вполне достойное и даже удостоил его эпитетом «домашнее»⁷. Анализ документов Учебного комитета и других мемуаров показывает, что Одесское училище не было чем-то уникальным в этом отношении. В мемуарах, посвящённых Волынской духовной семинарии, отмечалось, что даже в 80-е гг. XIX в. «мясо для семинарского стола привозилось то, которое за непригодностью никто из обывателей не хотел брать для себя. В состав веществ, из которых готовилась каша, равноправную роль имели два основных элемента – крупа и мышиный помёт»⁸.

Не могли похвастаться хорошими условиями и воспитанники Воронежской семинарии. В 1879 г. там произошли волнения семинаристов. Главным поводом для высказывания недовольства стала грубость и произвол недавно назначенного инспектора. Однако семинаристы были недовольны не только поведением нового наставника. Поводом для волнений стали также плохая пища, отсутствие бани (приходилось ходить в городскую) и крайне неудовлетворительное состояние отхожих мест. С последним и в самом деле была беда, что не мог не признать ревизор Миропольский, который посетил семинарию в 1878 г.⁹ Однако материалы о волнении семинаристов называют антисанитарное состояние училища «случайными» поводами для выступления, а Миропольскому это не мешает сделать вывод об удовлетворительном состоянии дел в Воронежской духовной семинарии. Мемуары выпускников Воронежской семинарии также указывают на весьма скудное содержание воспитанников. Как свидетельствуют воспоминания выпускника, который обучался в семинарии в начале 1860-х гг.: «... тяжёлое положение в этом возрасте вечно чувствовать себя голодным»¹⁰. Он же отмечает, что волнения семинаристов бывали и в его быт-

⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802. Оп. 9. Д. 62. Л. 84, 86

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 802, Op. 9, D. 62, L. 84, 86

⁷ Там же. Л. 86 об.

Ibid, L. 86 ob.

⁸ *Храневич К.* При старых порядках (из недавнего прошлого Волынской духовной семинарии). Киев. 1896. С. 8.

Khranevich K., Pri starykh poryadkakh (iz nedavnego proshlogo Volynskoy dukhovnoy seminarii), Kiev, 1896, S. 8.

⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 41. Л. 53.

RGIA, F. 802, Op. 9, D. 41, L. 53.

¹⁰ С-к-й. Воспоминания Воронежского семинариста 1859–1865 годов // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 19. Часть неофиц. С. 779.

S-k-y., *Vospominaniya Voronezhskogo seminarista 1859-1865 godov*, Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti, 1899, № 19, Chast' neofits., S. 779.

ность, т. е. в начале 1860-х гг. и они были не редки: «"Бунт" состоял в том, что хлеб или щи в миске брал один из вожаков и шел к эконому (на второй двор) или к инспектору, за ним следовала масса товарищей. Явившись с «поличным», они заявляли свою претензию»¹¹. Итоги такого бунта были различными. Иногда начальство пыталось сгладить недовольство мальчиков выдавало всем по калачу, а иногда отправляло зачинщиков в карцер или подвергало другим наказаниям. Другой выпускник Воронежской семинарии – Цезаревский указывает на вечно холодное существование. Начальство экономило на отоплении, и классные комнаты практически никогда не топились¹². При этом следует отметить, что оба автора очень чётко осознают, что основная причина такого скудного содержания – это не только нехватка средств, но общее пренебрежительное отношение к духовенству. Оба автора очень чётко видели не только своё бедственное положение, но и весьма незавидное положение преподавателей. Поэтому для них полуголодное существование – это часть бытия духовенства.

Процесс изменения ментальных установок относительно воспитания подрастающего поколения шёл медленно. Однако сам факт большого внимания к этим бытовым моментам жизни закрытого учебного заведения в мемуарах, которые публиковались на рубеже XIX–XX вв., говорит о некоей трансформации общественного сознания и изменения отношения к этим вопросам. Очень ярки в этом плане записки, опубликованные в 1896 г. к столетию Волынской духовной семинарии. Автор без стеснения восклицает: «Вспомним, какой каторгой была для ученика жизнь в эпоху старой бурсы»¹³. И далее подробно излагает все ужасы повседневного быта семинаристов, которые как раз и были показаны в этой статье. То есть плохое питание и антисанитария не воспринимаются уже как явление нормальное.

Менялся и процесс обучения – происходившая в обществе трансформация и смена ментальных установок диктовали новые методы и цели обучения. Сами авторы мемуаров проводят некий рубеж в педагогическом процессе: «Пала старинная зубристка, и старые педагоги, последние могикане бурсы, уступили место новыми»¹⁴. Учителя не только толково объясняли новый материал, но и стремились развить своих воспитанников: проводили вечерние беседы, читали произведения классиков, и даже пытались давать знания по астрономии. Однако это были только первые шаги. Очевидно, что формирование новой личности, для которой характерно умение самосовершенствоваться, критически думать и творить, невозмож-

¹¹ С-к-й. Указ. соч. С. 777.

S-k-y., *Op. cit.*, S. 779.

¹² Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии Воспоминания // Звонарь. 1906. № 1. С. 256.

Tsezarevskiy P. V., *Shestidesyatye gody v dukhovnoy seminarii Vospominaniya*, Zvonar', 1906, № 1, S. 256.

¹³ Храневич К. Указ. соч. С. 8.

Khranevich K., *Op. cit.* S. 8.

¹⁴ Галабутский Ю. Г. Указ. соч. С. 6.

Galabutskiy Yu. G., *Op. cit.*, S. 6.

но без активного и разностороннего чтения – от учебной литературы до художественной и научно-популярной. В то же время традиционным для многих мемуаров семинаристов является упоминание о крайне бедной библиотеке учебного заведения: «... библиотека в училище была какая-то в высшей степени жалкая и скудная, да и книги из нее выдавали чрезвычайно редко, так что были ученики, которые оканчивали курс, не видав в глаза никакой другой книжки, кроме учебной», – писал выпускник Одесского духовного училища¹⁵. Ему вторит выпускник Волынского духовного училища: «Библиотека была поразительно бедна, просыпавшаяся любознательность не находила себе пищи...»¹⁶. В Киевской духовной семинарии с учениками обсуждали произведения Гоголя, Пушкина, Гончарова, Тургенева, но в библиотеке книги этих авторов были в одном экземпляре¹⁷.

В воспитательном процессе системы духовных учебных заведений пореформенной России причудливо переплетались отголоски старых порядков и новые тенденции. Работавшие в семинариях люди олицетворяли мозаичность общественного сознания, сочетание новых воззрений и отголосков старых. Особенно ярко это проявилось в вопросе наказаний и поощрений учеников. В 1863 г. в духовных училищах и семинариях, как и во всех учебных заведениях, были отменены телесные наказания. Однако в 1885 г. отголоски старых ментальных установок проявились предложением из Ставропольской духовной семинарии возродить розги. Инициатором предложения стал ректор этой самой Ставропольской семинарии. Он доказывал, что «главным побуждением для детей к избежанию проступков служит чувство страха, а когда оно ослабеваает, является вольность и разнузданность»¹⁸. Однако новые тенденции в развитии общественного сознания одержали верх. Учебный комитет Святейшего синода рассмотрел это предложение и категорически отмёл его. Примечательна формулировка этого отказа: «Принимая во внимание, что употребление телесных наказаний принадлежит к числу мер грубых и унижительных, притупляющих в воспитанниках чувства стыдливости и чести, которые всячески должны быть возбуждаемы и развиваемы в питомцах». Таким образом, руководство духовной школы вполне показало приверженность некоторым модернизационным тенденциям, осознав недопустимость этой меры воспитания.

Однако это не означало, что методы старой бursы полностью покинули духовные училища. В Волынском училище орудием воспитания и грозой учеников стал обычный школьный мел, которым учитель греческо-

¹⁵ Галабутский Ю. Г. Указ. соч. С. 11.

Galabutskiy Yu. G., *Op. cit.*, S. 11.

¹⁶ Смоленский Н. Очерки современной бursы. Картины, типы и типики. М., 1906. С. 11.

Smolenskiy N., *Ocherki sovremennoy bursy. Kartiny, tipy i tipiki*, М., 1906, S. 11.

¹⁷ Рудкевич П. Семинарские годы (воспоминания о Киевской духовной семинарии за 1873–1879 годы). Киев, 1912. С. 7.

Rudkevich P., *Seminarskie gody (vospominaniya o Kievskoy dukhovnoy seminarii za 1873–1879 gody)*, Kiev, 1912, S. 7.

¹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 19. Л. 4 об.

RGIA, F. 802, Op. 9, D. 19, L. 4 ob.

го языка лупил учеников по голове: «Шишки грека сидели на голове долго, а ещё дольше битые места сохраняли болезненность»¹⁹. Другие не дрались, но зато больно щипали провинившегося ученика, причём делали это так больно, что у мальчика выступали слезы²⁰. При этом можно предложить, что подобные методы воспитания вряд ли были тайной для руководства учебного заведения, которое «смотрело на это сквозь пальцы».

Анализируя воспоминания и отчёты о ревизиях духовных учебных заведений, можно выделить отсутствие единого комплексного подхода к обучению и воспитанию, о котором упоминается в трудах просветителей. Обучение осуществляли учителя, а воспитанием должна была заниматься так называемая инспекция, т. е. инспектор и его помощники – надзиратели. В подавляющем большинстве случаев учителя и инспекторы действовали вразнобой. Инспекторами и надзирателями чаще всего оказывались люди случайные, не имеющие ни способностей, ни желания работать с детьми. Часто это было одним из видов послушания для молодого монаха. Поэтому воспитательный процесс ставил в основном задачу добиться от учеников соблюдения внешних признаков дисциплины и не более того, т. е. добиться, чтобы ученики не пропускали уроков, богослужений, почтительно разговаривали с учителями и инспектором. Не ставилась задача воспитать чувство взаимопомощи, дружбы, уважения даже к своим товарищам.

Воспоминания выпускника одесского училища показывают довольно грубые нравы между воспитанниками: они сквернословили, не считали зазорным воровать друг у друга еду, насмехаться над более слабым. Ученики или даже учитель, имеющие физический недостаток, становились объектом всеобщей травли. Драки были нормой: «Дрались ежедневно и, можно сказать, ежечасно; дрались и в одиночку, один на один, и толпами, класс на класс, и прочее. Дерущихся сейчас же окружала жадная до таких зрелищ толпа и поощряла своими замечаниями. Силачей просто боготворили, слабым же приходилось до крайности плохо»²¹. Надзиратели и инспектор не обращали на такие патологические явления внимание.

Регулярные бои с горожанами составляли черту повседневной жизни и воспитанников Волынского духовного училища²². Конечно, культ драки свидетельствует ещё об одной негативной стороне педагогического процесса: крайне мало внимания уделялось физическому воспитанию подростков, поэтому их энергия выплёскивалась в такой извращённой форме. В это время делались только первые шаги по организации занятий учеников спортом или физическими упражнениями, очень слабо осознавалась необ-

¹⁹ Смоленский Н. Указ. соч. С. 9.
Smolenskiy N., *Op. cit.*, S. 9.

²⁰ Там же. С. 9.

Ibid, S. 9.

²¹ Галабутский Ю. Г. Указ. соч. С. 5.
Galabutskiy Yu. G., *Op. cit.*, S. 5.

²² Смоленский Н. Указ. соч. С. 12.
Smolenskiy N., *Op. cit.*, S. 12.

ходимость регулярности физических упражнений как элемента всестороннего развития личности. В отчёте о состоянии Одесской духовной семинарии за 1873 г. указывается, что во дворе имеется целый комплекс снарядов для гимнастических упражнений²³. Однако такие упоминания для 1870-х гг. – редкость. Опять же можно указать на процесс трансформации ментальных установок: то, что в 1870-е гг. воспринималось как норма, в конце XIX в. оценивается уже как негативное явление.

«Александровская» модернизация несколько повысила представления о роле закона в жизни общества, о правах и свободах людей, судебная реформа создала механизмы для их защиты. Однако общественное сознание в этом плане менялось очень медленно, в том числе восприятие правового положения учеников духовных училищ и семинаристов. Для духовной школы, как и в целом для общества, было характерно очень слабое представление о правах учеников и о способах их защиты. Духовенство, как и всё общество, не обладало высоко развитым правосознанием и правой культурой. Рукоприкладство, плохое питание, антисанитария не вызывали каких-либо существенных протестов со стороны родителей учеников. Единственный эпизод, когда родители обратились с жалобой к руководству, встречается в воспоминаниях одесского семинариста. Автор указывает, что мать, приехав в духовное училище проведать своего сына, была в ужасе от его босяцкого вида. Она пошла жаловаться к инспектору. Однако тот успокоил возмущённую женщину очень простым способом: он начал хвалить сына и мать в восторге забыла зачем пришла²⁴. Бедственное положение воронежских семинаристов вынуждало их выступать и высказывать недовольство, но в основном это имело характер достаточно стихийных акций, а не протестов в правовых формах. Не получали семинаристы и поддержки со стороны родителей, что вполне логично: отцы этих мальчиков учились во времена классической бурсы и знали ещё более худшие порядки.

О медленной трансформации правовой культуры свидетельствует вопиющий факт, имевший место во Владимире. В 1895 г. в духовной семинарии имел место трагический эпизод: семинарист Виссарион Сешнин совершил покушение на ректора семинарии – ударил его топором. К счастью, удар прошёл по касательной, и ректор получил травму, не опасную для жизни²⁵. Как отметил в своем рапорте инспектор, семинарист Сешнин до этого ничем особо не выделялся, учился не очень хорошо, но всё же успевал, по поведению у него особых нареканий не было, не было и конфликтов с ректором. Также в рапорте указывалось, что среди родственников данного мальчика было несколько душевнобольных и прямо говорится, что случившееся вызвало «у всех тягостное недоумение», т. е. стало шоком для

²³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 62. Л. 56.

RGIA, F. 802, Op. 9, D. 62, L. 56.

²⁴ Галабутский Ю. Г. Указ. соч. С. 4.

Galabutskiy Yu. G., *Op. cit.*, S. 5.

²⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 42. Л. 11.

RGIA, F. 802, Op. 9, D. 42, L. 11.

всех остальных семинаристов, которые ни коим образом не поддержали поступок товарища. Однако затем из семинарии было исключено 67 семинаристов с формулировкой «уволен по делу покушения на жизнь ректора». При этом все исключённые были поделены на три категории. Семинаристам первой категории не просто запрещалось более обучаться в семинариях духовного ведомства, но и год проживать во Владимире. Особо примечательно, что решение о высылке принималось не судом, даже не полицией, а Святейшим синодом. Вторая категория семинаристов получила запрет учиться в духовных семинариях, но в отношении них не ограничивалось право на выбор места жительства. Семинаристам, которые были причислены к третьей категории, разрешалось подать через год прошение о восстановлении в учебном заведении²⁶.

Очевидно, что исключённые семинаристы не имели никакого отношения к покушению на ректора, в противном случае они бы несли ответственность перед судом, а в документах Учебного комитета Святейшего синода нет ни малейшего упоминания, что исключённые привлекались к следствию. Руководство семинарии просто воспользовалось трагическим эпизодом и отчислило всех, кто был неудобен семинарскому начальству, выбрав наиболее радикальную формулировку – фактически обвинив семинаристов в причастности к уголовному преступлению. Однако семинаристы или их родители даже не пытались использовать правовые способы защиты своей репутации и права на образование. В это время во Владимирской губернии уже действовали новые суды, которые постепенно стали разбирать новые категории дел – о защите чести и достоинства, защите авторских прав. Встречались даже дела о защите от экологических преступлений. Однако ментальные установки не допускали для семинаристов и их родителей мысль, что несправедливое отчисление да ещё с ограничением в личных правах можно было оспорить в суде. Им оставалось просто уповать на везение и милость руководства духовных учебных заведений.

Таким образом, трансформация духовной школы ярко отражает эволюцию в общественном сознании ментальных установок на процесс воспитания и формирования личности. В сознании людей менялось отношение к бытовым вопросам, к методам обучения и воспитания. Эволюция духовных учебных заведений отражает и общий процесс модернизации: развитие капиталистических отношений требовало изменить процесс воспитания подрастающего поколения. Обществу постепенно осознавало, что формирование личности должно соответствовать меняющимся условиям, что целью воспитательного процесса должно быть не формирование покорного человека, безропотно выполняющего волю начальства, а становление целеустремлённого, развитого, образованного и творческого члена общества. Однако изменение ментальных установок не может происходить быстро. По-

²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 42. Л. 10 об.
RGIA, F. 802, Op. 9, D. 42, L. 10 ob.

этому в повседневной жизни учеников духовных учебных заведений причудливо сочетались атрибуты прошлого и настоящего.

EVOLUTION OF THE FORMATION OF THE PERSON IN SPIRITUAL SCHOOL AS AN ELEMENT OF MODERNIZATION

A. D. Popova

Ryazan State University named for S. Yesenin, the Department of Philosophy, Ryazan, Russia

The article examines the little-known problem of the evolution of public opinion on educating the younger generation and the formation of personality in the context of the modernization of the Alexandrine. On the basis of archival materials and memoirs of graduates of religious schools, the authors showed that the process of modernization and development of capitalist relations has influenced the educational process in private schools. The article examines the process of transformation of various aspects of life in boarding schools as an example of religious schools and seminaries: living conditions, nutrition, parenting practices. The author concluded that the process of social change views on education and identity formation was proceeded slowly and did not meet the needs of the time.

Keywords: modernization, religious educational institutions, education, social consciousness.

Об авторе:

ПОПОВА Анна Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра философии, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46) e-mail: a.d.popova@mail.ru

About the Author:

POPOVA Anna Dmitrievna – the Doctor of History, the Professor, The Department of Philosophy, the Ryazan State University named for S. Yesenin, (390000, Ryazan, Svoboda str, 46), e-mail: a.d.popova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2016 г.